

ТРУДЕН ЛИ ЭТОТ ПУТЬ?

БЕСЕДА С ОЛЕГОМ КОРОСТЕЛЕВЫМ –
ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН

Оставим за скобками комплименты, точнее – произнесем их сразу. Каждый, кто пишет о работах Олега Анатольевича Коростелева, непременно говорит об их уникальности. Не жалея высоких слов, но совершенно справедливо суммировал эти оценки большой знаток Русского зарубежья Иван Толстой, посвятивший Коростелеву передачу на радио “Свобода”: “Олег Коростелев – живой классик, один из сильнейших специалистов по первой и второй волне русской эмиграции. И если бы он сделал только половину, он и без того заслужил бы себе место в пантеоне великолепных”. Так что давайте теперь поговорим о буднях исследователя, о его лаборатории, о проблемах изучения литературы Русского зарубежья – “государства без территории”, как однажды выразился сам Олег Коростелев.

ЕЦ: Наверняка читателю будет интересен ваш путь в литературоведение. Тем более – он необычен. Ведь ваша первая профессия – биолог. Конечно, потом вы окончили Высшие литературные курсы (семинар критики), аспирантуру Литинститута. Но вы не получили традиционного филологического образования. Может, и к лучшему. По крайней мере, вы не встретились с теми штампами и схемами, которыми были напичканы программы филфаков. А в эмигрантике вы начали с многостороннего исследования творчества Георгия Адамовича. С диссертации о его поэзии. С издания его собрания сочинений. Признаюсь: я часто открываю прекрасно составленный и откомментированный вами сборник Адамовича в малой серии “Библиотеки поэта”. Но почему именно Адамович стал первым среди героев ваших эмигрантских штудий?

ОК: В эмигрантской литературе одним из самых важных и привлекающих читателя жанров была критика. И – именно она до сих пор хуже всего изучена. Георгий Адамович, Владислав Ходасевич, Владимир Вейдле, Петр Бицилли, Дмитрий Святополк-Мирский – все это замечательные критики, которые были бы гордостью любой литературы. Блестящие стилисты, тонкие, умные, невероятно начитанные. И, конечно, со своим видением, своим миропониманием. Однако Георгий Адамович выделялся даже в этом ряду: он – один из крупнейших критиков XX века, придиричивый Бунин назвал его “первым критиком в

эмиграции” и был недалек от истины. Ну а поскольку в советской России критика довольно быстро превратилась в идеологический инструмент и стала интересной только для социолога, свое значение сегодня сохранила критика эмигрантская.

Упоминания об Адамовиче в советской печати можно пересчитать по пальцам, да и те – скорее анекдотичны. Мне это казалось несправедливым. Статьи Адамовича – большая литература, его, помимо всего прочего, до сих пор интересно читать. Даже тогда, когда он бывал не прав. До конца 1980-х годов Адамович в России был практически неизвестен. Все ограничивалось только слухами да редким случайным знакомством с отдельными из его многочисленных статей. Первые переиздания появились лишь в середине 1990-х. Нельзя сказать, что сейчас он издан полностью или хотя бы наполовину. Но общее представление в результате сложилось, и редкая работа о литературе эмиграции обходится без упоминаний о нем и цитат из его статей. Опубликованная недавно библиография публикаций об Адамовиче занимает более сотни страниц, и большая часть приходится как раз на работы двух последних десятилетий.

А ведь Адамович известен не только своим критическим амплуа. Он и своеобразный поэт, создатель и вдохновитель литературной школы, которая вошла в историю под именем “парижской ноты”. Кроме того, он был блистательным эссеистом. Кстати, сборник эссе Адамовича “Комментарии” сейчас готовится к выходу в знаменитой серии “Литературные памятники”. Редколлегия серии недавно одобрила мою заявку и поставила книгу в план.

ЕЦ: В предисловии к своей книге “От Адамовича до Цветаевой” (2013) вы задумались над итогами изучения литературы Русского зарубежья в последние два десятилетия. Эти раздумья были тем более закономерны, что ведь и ваша работа в эмигрантике пришлась на тот же период. Оглядываясь назад, вы зорко замечаете характер и черты времени. И вопросы, многие из которых так и остались без ответа. “Русское зарубежье числилось по разряду возвращаемой литературы. Что делать с этой литературой, куда ее относить, как классифицировать и изучать, никто не знал... Сумятица в головах была невероятная”. К примеру, многие исследователи сначала боялись, “что вот-вот по всем темам появятся работы, и на их долю ничего не останется. Тем большее разочарование их постигло, когда выяснялось, что эмигрантов не сто и

даже не тысяча, а несколько миллионов...

Вдобавок не все в эмиграции оказались Набоковыми, Шаяпиными и Рахманиновыми, и обнаруженные графоманов, авантюристов и неудачников быстро пришло в противоречие с формирующимся тезисом, что в эмиграции решительно все было лучше, чем в метрополии”. Но, конечно, важнее и драматичнее были другие разочарования – когда “к уникальному материалу пытались применять традиционные подходы”. Словом, итоги вас не слишком радуют. Однако эта тональность предисловия явно и резко диссонирует со списком ваших работ, помещенным в конце книги. Вы сделали в те годы столько, сколько было под силу целому научному институту.

ОК: Какие задачи мы ставили перед собой в девяностые? Нужно было прежде всего создать источниковую базу. Ввести в оборот хотя бы самое основное из никогда не переиздававшегося; подготовить наиболее насыщенные архивные публикации; собрать самые необходимые тома текстов. Исследователь – в отличие от журналиста – не может начинать с каких-то обобщений и концептуальных заявлений до того, как хотя бы пунктирно ознакомился с материалом.

Конечно, за два десятилетия кое-что было сделано. Казалось бы, пришла пора обобщений и более сложных проектов. Однако, увы, какой-либо единой программы за все эти годы выработано не было. И, следовательно, мы не так уж далеко ушли. А любители, фанатики, альтруисты, как выяснилось, могут сделать многое, но не все. Есть целый ряд необходимейших проектов, которые не могут быть выполнены силами одиночек: они требуют долгих лет работы и немалых затрат. Хотя по сравнению с расходами на телевидение или футбол – это сущие мелочи. Но гуманитарная сфера у нас никогда не входила и не входит в число приоритетов.

ЕЦ: В силу политических причин очень многое в изучении литературы первой и второй волн русской эмиграции было упущено. Пропали архивы, стерлись имена. К счастью, вам и вашим коллегам

удалось немало отыскать, реконструировать. Однако извлечены ли уроки? И главное: будут ли затрашние исследования мотивированы целостной концепцией по изучению литературы изгнания? Как видите, я не хочу уходить от проблем, которые вы только что очертили. К тому же, задавая эти вопросы, помню: именно вы являетесь инициатором многих научных проектов. В частности, в Доме Русского Зарубежья имени Александра Солженицына вы долгие годы заведуете отделом литературы и печатного дела.

ОК: Опять выдохну: увы! Никакой централизованной политики в этом важнейшем деле до сих пор не существует и, похоже, не предвидится. Потому перспективы неутешительны. Какая-то работа, конечно, продолжится. По-прежнему будут собираться многочисленные конференции, “озвучивать” и в лучшем случае публиковать тысячи докладов, печатать сотни статей, изредка выпускать серьезные книги по локальным темам. Но у меня нет ощущения, что в ближайшее время может появиться подлинная и более или менее полная история эмигрантской литературы, не говоря уже о полноценной истории эмиграции. Эту историю просто некому написать – все занято другими делами. Может быть, потому что отдельные наблюдения и факты до сих пор никак не сложатся в цельную картину. А скорее – просто никто не готов взять на себя смелость наконец-то сделать обобщения.

ЕЦ: Если вы когда-нибудь напишете документальный роман о своих поисках и находках, там будет множество интересных сюжетов. Не могли бы вы сейчас коротко прочертить некоторые из них?

ОК: Академик А.В. Лавров в свое время удивлялся: журналисты, говоря об архивных публикациях, постоянно употребляют обороты “удалось найти”, “в архиве обнаружилось”. В то время как в повседневной работе архивистов внезапные “обнаружения” и открытия скорее редкость, чем правило.

Я с ним согласен: “найти” материалы в государственном или университетском архиве совсем не фокус – они по большей части давно разобраны, описи нередко опубликованы, если не в бумажном издании, то в интернете. Куда сложнее подготовить материал к публикации.

Тем не менее, неожиданные находки и открытия все же бывают. Вот один из таких случаев. Часть архива редакции замечательного журнала “Современные записки”, издававшегося в Париже с конца 1920 года до весны 1940-го, долгие годы считалась утерянной. В частности, речь шла о переписке редакторов. Оказалось, бумаги редактора В.В.

ТРУДЕН ЛИ ЭТОТ ПУТЬ? НАЧАЛО НА СТР. 62

Руднева “отложились” в гигантском фонде Земгора (Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей). До недавнего времени этот архив, попавший в Великобританию, оставался неразобраным. Ранее публиковались преимущественно документы из архива другого редактора журнала, М.В. Вишняка. В четырехтомном издании архива “Современных записок” мы объединили эти разрозненные части, добавив к ним документы из целого ряда других хранилищ – России, Франции, США, Германии.

Если говорить об архивах крупных журналов, издательств, легко заметить: редко бывает, чтобы весь материал хранился в одном месте. Для большого тематического тома обычно требуется поработать с десятками архивов разных стран и континентов. К примеру, чтобы подготовить том эпистолярия какого-нибудь автора, нужно собрать его письма, отложившиеся в архивах и частных собраниях его многочисленных адресатов.

Иногда, впрочем, и впрямь находишь там, где не ждал. В самом начале своей публикаторской карьеры я просматривал в ГАРФ архив редакции газеты “Последние новости”: она тоже издавалась в предвоенном Париже и была очень популярна среди эмигрантов. И вот

в папке с письмами неустановленных лиц я увидел несколько писем, написанных “неустановленным лицом Иваном Алексеевичем” “неустановленному лицу Марку Александровичу”. Письма датировались октябрем-ноябрем 1933 г., то есть Иван Алексеевич Бунин писал Марку Александровичу Алданову как раз в дни перед получением им Нобелевской премии. Те четыре письма я тогда же напечатал в “Независимой газете”, но полный корпус переписки Бунина с Алдановым до сих пор готовится к публикации.

ЕЦ: Любое исследование начинается с библиографии. Нужно сразу уяснить: кто до тебя шел той же дорогой? Трудным ли оказался путь, не завел ли в тупик? Мне кажется, вы ощущаете особую позицию библиографии – умеете разглядеть за скуными строчками библиографических описаний время и судьбы. Вы – составитель многих библиографических каталогов. В частности, под вашим руководством осуществлен беспрецедентный проект “ЭМИГРАНТИКА” (сводный каталог периодики русского зарубежья). Насколько этот и другие ваши библиографические труды изменили карту литературы эмиграции?

ОК: Да, библиографию я очень люблю. И считаю, что как раз работ в этом жанре больше всего не хватает. Маяковский говорил: “Черес-

чур страна моя поэтами нища”, а по-моему, с поэтами у нас все обстоит не так уж плохо. Вот с библиографами действительно могло бы быть получше.

Работа эта не просто очень кропотливая: она заранее подразумевает большие объемы и скромный результат. Вдобавок мало составить библиографию – ее надо еще опубликовать. Жанр это не коммерческий, прибыли принести не может, читателей и пользователей много не будет. Потому в наше время напечатать основательную библиографию очень непросто. А роспись содержания какого-нибудь ведущего эмигрантского издания, ну вот хотя бы парижской газеты “Возрождение”, не говоря уж о популярнейших “Последних новостях” или о нью-йоркском “Новом русском слове”, потребует не одного тома (даже выборочная роспись довоенной рижской газеты “Сегодня”, подготовленная Юрием Абызовым, вышла в двух книгах). Однако именно росписи содержания постоянно нужны в повседневной работе!

Эмигрантская библиография – одна из наиболее сложных. Института обязательных экземпляров там не было, книжные летописи тоже не велись, единого центра хранения не сложилось. Так что библиографы, берущиеся за эту область, оказываются в еще более сложном положении, чем их коллеги, занимающиеся литературой метрополии. Од-

нако – тем интереснее. Листая подшивки эмигрантских газет, постоянно натыкаешься на что-нибудь неожиданное. И все время хочется дополнить или исправить то, что было сделано или сказано раньше другими исследователями, историками, журналистами.

Вы упомянули Сводный каталог периодики русского зарубежья... Даже в том зачаточном состоянии, до которого его удалось довести, каталог стал центральным ресурсом по своей теме, на который постоянно ссылаются и количество обращений к которому постоянно растет.

Уже в самом начале работы над каталогом выяснилось: распространенные представления о положении дел в изучении этой области далеки от реальности. Все библиотеки Москвы располагают в совокупности менее чем двумя тысячами эмигрантских изданий, причем многие комплекты неполны, а часто представлены лишь отдельными номерами. Библиотеки Санкт-Петербурга гораздо беднее, в региональных библиотеках нет и этого. Однако уже предварительный список изданий, размещенный на сайте, перевалил за 6000 позиций. Ну и какой же напрашивается вывод? До сих пор мы изучали эмигрантскую периодику, слабо представляя себе даже самые общие ее масштабы.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ТРУДЕН ЛИ ЭТОТ ПУТЬ?

БЕСЕДА С ОЛЕГОМ КОРОСТЕЛЕВЫМ –
ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН

Оставим за скобками комплименты, точнее – произнесем их сразу. Каждый, кто пишет о работах Олега Анатольевича Коростелева, непременно говорит об их уникальности. Не жалея высоких слов, но совершенно справедливо суммировал эти оценки большой знаток Русского зарубежья Иван Толстой, посвятивший Коростелеву передачу на радио “Свобода”: “Олег Коростелев – живой классик, один из сильнейших специалистов по первой и второй волне русской эмиграции. И если бы он сделал только половину, он и без того заслужил бы себе место в пантеоне великолепных”. Так что давайте теперь поговорим о буднях исследователя, о его лаборатории, о проблемах изучения литературы Русского зарубежья – “государства без территории”, как однажды выразился сам Олег Коростелев.

(ЧАСТЬ ВТОРАЯ) НАЧАЛО В №25

ЕЦ: Недавно вышел многотомник “Современные записки. Париж, 1920–1940. Из архива редакции”. Пять книг, три тысячи триста писем, четыре с половиной тысячи страниц. За этим – живая жизнь одного из самых авторитетных журналов эмиграции.

Трудно перечислить имена адресатов, среди которых – самые громкие. Вместе с Манфредом Шрубой вы были редактором и организатором этого поистине гигантского труда. Не собираетесь его продолжить, обратившись к другим изданиям?

ОК: Мне очень нравится этот довольно редко встречающийся жанр: публикация редакционного архива. Этот жанр нередко раскрывает ситуацию с неожиданных сторон, позволяет на многое взглянуть в ином свете. Моя первая попытка работы в этом жанре относится еще к 2003 году, когда я составил и выпустил тематический номер “Литературоведческого журнала”, посвященный послевоенному журналу “Опыты” (Нью-Йорк, 1953–1958). Затем я готовил роспись содержания с архивом редакции знаменитого парижского “Звена” (1923–1928). Если “Современные записки” заслуженно считаются самым лучшим журналом на русском языке, то “Звено” – самый культурный печатный орган за всю историю русской журналистики. К сожалению, эта книга, давным-давно целиком подготовленная к изданию, до сих пор так и не вышла в свет, но я надеюсь рано или поздно увидеть ее напечатанной.

Какие новости? В архив Дома русского зарубежья недавно поступили бумаги альманаха “Мосты” (Мюнхен, 1958–1970), над ними сейчас идет работа, и есть планы подготовить отдельное издание. Кроме того, готовится к публикации архив известного эмигрантского Издательства имени Чехова (1952–1956, Нью-Йорк).

ЕЦ: Первыми начали изучать литературу русской эмиграции зарубежные слависты. Как вы сегодня оцениваете их многолетнюю страду? Давайте воздадим должное. И назовем имена.

ОК: Лучшей книгой по истории эмигрантской литературы – несмотря на все недостатки этого труда – остается “Русская литература в изгнании” Глеба Струве, впервые опубликованная еще в 1956 году, шестьдесят лет назад. В сущности, Струве и был основоположником этого направления. Профессор Беркли, он воспитал плеяду учеников, среди которых многие выбирали для себя тему эмиграции. Вспомню, в частности, Саймона Карлинского, недавно ушедшего из жизни. Почти полвека эмигрантская литература могла изучаться только за рубежом, и за это время сложилась целая плеяда исследователей, занимающихся ею профессионально.

Кто продолжает активно работать? Если говорить о маститых, это Джон Малмстад, Роберт Хьюз, Лазарь Флейшман, Роман Тименчик, Ричард Дэвис, Эльда Гаретто, Антонелла д’Амелия. Плавным перейдем к следующему поколению: Владимир Хазан, Стефано Гардзонио, Даниела Рицци, Манфред Шруба, Катрин Гусефф. А вот совсем молодые – Аурика Меймре, Бьянка Сульпассо, Джузеппина Джулиано. Называю лишь некоторых, потому что всех перечислить невозможно. Тем более что начинают интересно проявлять себя совсем юные, теперешние магистры и докторанты, очарованные литературой Русского зарубежья. Многих из них я особенно часто встречал в итальянских университетах.

ЕЦ: В конце 2015 года от нас ушел профессор Джон Глэд. Он был разносторонне одарен: некоторое время являлся директором Института Кеннана по изучению России, преподавал в крупных американских университетах, написал труд по Евгенике, перевел на английский Николая Клюева и Василия Аксенова, “Колымские рассказы” Варлама Шаламова, знаменитую “Черную книгу” об уничтожении советских евреев в годы Второй мировой войны. А среди книг Джона Глэда о литера-

туре русской эмиграции есть две по-особому примечательные: “Беседы в изгнании” и “Допрос с пристрастием”. Здесь звучат не похожие друг на друга голоса: Игоря Чиннова, Юрия Иваска, Андрея Седых, Романа Гуля, Ивана Елагина, Бориса Филиппова, Иосифа Бродского, Сергея Довлатова, Фридриха Горенштейна, Бориса Хазанова и других писателей-эмигрантов. Причем интервьюера интересует не только история литературы, но история человеческих отношений, психология личности и психология творчества писателя в изгнании. Существуют ли сегодня подобные проекты?

ОК: Любопытно вспомнить: в России похожий проект стал вы-

полняться полвека назад, причем при неожиданных обстоятельствах. В 1966 году преподаватель МГУ Виктор Дмитриевич Дувакин за участие в правозащитной деятельности (а он выступал свидетелем со стороны защиты на процессе Синявского и Даниэля) был лишен права преподавать. Ректор оформил Дувакина старшим научным сотрудником межфакультетской кафедры научной информации, предложив создавать фонд звуковых мемуаров. Дувакину была предоставлена полная свобода в выборе своих героев. И он принялся записывать на магнитофон беседы с теми людьми, кто был ему особенно интересен. За шестнадцать лет Дувакин записал более трехсот человек, в том числе – Бахтина, Ахматову, известного монархиста Василия Шульгина, принявшего отречение от престола у Николая Второго, и многих других, чьи голоса и мысли, пожалуй, иначе до нас могли бы и не дойти. 850 записанных им магнитофонных кассет легли в основу собрания Научной библиотеки МГУ, при которой в 1991 г. был создан Отдел устной истории.

Сейчас этим отделом заведует Дмитрий Споров, учредитель и президент Фонда “Устная история”. Одно время он работал по со-

вместительству и у нас, в Доме русского зарубежья. И мы вынашивали планы о таком же широкомасштабном проекте с эмигрантами. К сожалению, это пока не осуществилось. А видеозаписи, легшие в основу книг Глэда, хранятся в видеоархиве Дома русского зарубежья. Там же есть и записи проходящих в ДРЗ семинаров, круглых столов, выступлений и презентаций, в которых принимают участие русские эмигранты. Беседа – по-своему неповторимый, даже уникальный жанр: здесь человек раскрывается гораздо полнее, чем обычно, а порой неожиданно. Жаль, что такая работа не ведется целенаправленно.

ЕЦ: Не так давно вы стали заместителем директора Института мировой литературы Российской Академии Наук, а за год до того возглавили в ИМЛИ прославленный отдел “Литературное наследие”. Вы пошутили в нашем разговоре, что стали “современным Зильберштейном”. Что ж, это высокий ориентир – подвижничества, подлинного профессионализма, верности призванию при любой политической погоде. Есть ли в ваших планах тома ЛН, посвященные писателям эмиграции?

ОК: Разумеется, есть, и их больше, чем когда бы то ни было, поскольку в советское время подобные выпуски могли появляться лишь как исключение. Сейчас в серии готовится тома Евгения Замятина, Зинаиды Гиппиус (эпистолярный в двух книгах), Ивана Бунина (в трех книгах, если не больше). Есть планы относительно томов, посвященных Мережковскому, русско-итальянским литературным связям, огромному архиву Александра Амфитеатрова, специальный том будет отдан послевоенному периоду эмиграции. Хотелось бы, конечно, больше. Но все ограничивается нехваткой исследо-

ТРУДЕН ЛИ ЭТОТ ПУТЬ?

НАЧАЛО НА СТР. 62

вателей, готовых взяться за столь сложные и трудоемкие проекты. Если бы нашлись люди, предложившие подготовить, к примеру, тома из архивов Алданова, Ремизова, Ходасевича, Зайцева, Шмелева, тома по истории литературных объединений эмиграции или истории печатного дела, истории литературной критики, я бы не только с радостью это поддержал, но готов был бы и сам включиться. К сожалению, малыми силами всего не освоить, а “настоящих буйных мало”, как пел Высоцкий.

Не хочу быть понят так, что “Литературное наследство” полностью переключается на эмиграцию. У нас продолжают идти тома и по XIX веку, и по литературе и литературоведению советской эпохи. Готовится, в частности, том “Литературное наследство”: история академической серии в воспоминаниях, переписке и документах”, в котором, среди прочего, займет место интереснейшая тема взаимоотношений редакции с эмигрантскими авторами. Ведь “Литературное наследство” одним из первых советских изданий имело смелость еще в 1960-е годы не только вступить в переписку с эмигрантами, но и пригласить их к сотрудничеству. Напечатать, правда, удалось далеко не всех, кого хотели, но, к при-

меру, бунинский том 1973 года оказался уникальным в этом отношении для своего времени.

ЕЦ: *В своей книге вы с улыбкой припомнили: “В эпоху эйфории 1990-х почти всеобщим было убеждение, что вот-вот, еще год-два-три, – и все эмигранты будут изданы, искусственно отведенная в сторону зарубежная ветвь литературы вновь объединится с метрополией...” Но очевидно: “Разработка единой истории двух ветвей литературы натолкнулась на серьезные препятствия. Очень быстро выяснилось, что литература Русского зарубежья не вписывается в выработанные ранее концепции, эмигрантский литературный процесс совпадает с процессом в метрополии лишь отчасти, но во многом самостоятелен, поскольку развивался автономно и независимо. Эмигрантский материал сопротивляется традиционным методикам, не укладывается в привычные схемы, и даже периодизация не совпадает”.*

Так что же – существует единая русская литература или все-таки есть две литературы – метрополии и эмиграции?

ОК: Для меня бесспорно: существует единая русская литература. Но в XX веке – на несколько десятилетий (условно говоря, с 1917

по 1991 гг.) – она была разведена на два потока, идущих автономно и не так сильно влиявших друг на друга, как это бывает обычно.

Эмигрантская литература в подлинном смысле этого слова может сложиться только в эпоху железного занавеса – причем постепенно, если эта эпоха затягивается надолго. Эмигранты первой волны в полной мере успели прочувствовать неизбежность происходящего. Вопреки всем своим надеждам они создавали: при их жизни ситуация вряд ли изменится, для них эмиграция – навсегда. Свое умонастроение некоторые из них не случайно описывали, прибегая к такому образу: ощущение, как будто за спиной затонул материк со всей прошлой жизнью. Нельзя ни вернуться, ни докричаться. Это и вызывает у человека особое состояние, формирует даже особую психологию. Остается либо ностальгировать, строить планы реставрации, либо пытаться жить новой жизнью – в новом статусе, без корней, в безвоздушном пространстве, мучительно создавая иную жизненную философию, позволяющую личности существовать сколько-нибудь осмысленно. Такое состояние, затягивающееся на десятилетия, рождает литературу, отличающуюся от литературы метрополии. Иначе – это просто ряд текстов, напечатанных в разных географических точках и ничем

более не объединяемых.

ЕЦ: *Шагнем из истории в сегодняшний день. Есть ли у литературы эмиграции будущее?*

ОК: Хотелось бы надеяться: нет. Имею в виду, что эмигрантская литература к концу XX века стала литературой Русского зарубежья и, дай бог, ей не придется снова переходить на эмигрантское положение. А в XXI веке литература русской Калифорнии или Аргентины продолжают оставаться такой же естественной частью единого литературного процесса, как сибирская проза или уральская поэзия.

В обычной ситуации человек может жить и писать, где хочет, а печатать и читать его будут без учета места жительства. Гоголь несколько лет прожил в Риме, но это не сделало его эмигрантом, а написанные там “Мертвые души” – произведением эмигрантской литературы.

В XX веке ситуация была не просто трагической – исключительной. Это и породило литературу эмиграции как самостоятельную ветвь. До повторения той ситуации, хотелось бы думать, Россия никогда больше не дойдет.

При этом русская литература нескольких волн эмиграции XX века останется в вечности, где она давно и пребывает. И разве что займет свое законное место в учебниках.